

Мяковский М.М. Лингвистическая генетика. Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 200 с.

Проблемы изоморфизма генетических и языковых процессов, впервые подмеченные Р. Якобсоном, в последнее время привлекают к себе внимание языковедов различных профилей [1—4]. В большинстве специальных работ [5—7] на первый план выдвигается семиотический аспект проблемы — изоморфизм генетического и языкового кода, но обычно не уделяется внимания исследованию внутренних и внешних механизмов языковой эволюции. В рецензируемой монографии, которая продолжает изыскания автора в области диалектики лексико-семантических систем (ср. [8—10]), на большом фактическом материале и.е. языков делается попытка раскрыть внутренний механизм языковых преобразований на основе генетических закономерностей, причем язык рассматривается и как целостный феномен, и в плане отдельных его звеньев, находящихся в комплементарных отношениях друг с другом. При этом М.М. Маковский выдвигает оригинальную концепцию функциональной сущности отдельных элементов слова (корень, преформант, инфикс, детерминатив).

Движущими силами языка, обеспечивающими его жизнеспособность и возможность эволюции, являются стремление к самосохранению и преемственности, т.е. созданию определенной языковой экологии, благоприятной для существования и развития того или иного языкового механизма или языковой схемы в рамках определенной языковой среды. В то же время в языке постоянно действуют силы, нарушающие его экологию и заставляющие язык приспосабливаться к изменяющейся комбинаторике. Наследственность и изменчивость — два изначальных свойства жизни не только органического мира, но и языка. Одно начало — консервативное, другое — революционное. Изменчивость поставляет материал для эволюции, наследственность же закрепляет ее результаты.

Автор отмечает, что язык — это самопорождающий, самонастраивающийся и саморегулируемый феномен. Важно иметь в виду, что в языке представлены два самостоятельных "горизонтальных" генетических начала: цепочка потенциально возможных семантических признаков (семантическая парадигма) и различная комбинация фономорфологических элементов. Каждое из этих начал, взятое в отдельности, не несет никакой генетической информации:

реально в языке отдельные участки данных континуумов представлены в дополнительной (комплементарной) дистрибуции, т.е. в вертикальной проекции. Только в этом случае возникает "живой организм", "живая клетка" языка — слово, являющееся носителем своеобразного, присущего только ему "генного механизма", вызванного к жизни определенными комбинаторными реакциями на предшествующих временных срезах его существования. Предметом лингвистической генетики, как отмечает автор, является "исследование закономерностей генетических преобразований в языке, приводящих к наследственному изменению или сохранению определенных признаков, свойств, значений в сочетании с определенными материальными конфигурациями, а также анализ особенностей распределения конкретных свойств и форм во времени", утраты и приобретения определенных квантов языковой "энергии" (с. 14).

Под языковым "геном" М.М. Маковский понимает внутренний семиотический фактор, возникающий в том или ином окружении (в той или иной языковой среде) в результате комбинаторной селекции и последующего объединения неодинаковых отрезков семантических и фоно-морфологических последовательностей, представленных в языке (внешняя семантика). Именно языковые "гены" регулируют жизнеспособность, формы существования и изменчивость (неизменность) слова как мельчайшей живой "клетки" языка.

Особо подчеркивается важность принципа дополнительности (комплементарности) в генетических процессах. При этом отмечается следующая антиномия — несоответствие между количеством и качеством значений, требуемых ограниченным набором форм, и количеством и качеством форм, требуемых этими значениями. Эта антиномия явно перекликается с семиотическим законом асимметрии.

Среди генетических характеристик, заложенных в языковой код любого слова, наряду с качественными, количественными, топологическими показателями, имеет значение фактор лингвистического времени. Автор уже и раньше проводил исследование проблемы лингвистического времени [11]. В рецензируемой монографии он углубляет свои прежние выводы. Время ограничивает возможности существования того или иного слова как материальной величины, а то или иное слово мыслимо только в пределах ограниченного времени, которое, наряду с языковым пространством, является, таким образом, генетическим

признаком. Именно лингвистическое время во многом определяет возможность (невозможность) реализации генетических потенций того или иного слова. Вследствие этого отдельные лексемы так называемого "стабильного фонда" (например, англ. *house, man, red, white* и др.), видимо, следует признать не одним и тем же словом, остающимся "неизменным" в течение веков, а различными словами, неоднократно генетически воспроизводимыми. В работе подчеркивается, что гены характеризуются не только неодинаковой силой воздействия на определенный признак, но и неодинаковы по направленности своего воздействия.

В основной части рецензируемой монографии на большом фактическом материале убедительно показывается, что в языке можно наблюдать действие генетических закономерностей, изоморфных тем, которые были установлены Г. Менделем: 1) единообразие языковых единиц "первого поколения" по тому или иному признаку (преобладание доминантных признаков над рецессивными); 2) расщепление признаков во "втором поколении" (кратные отношения различных признаков в "поколениях", следующих за первым, не сходные с кратными отношениями признаков в первом "поколении, где доминантным оказывается какой-то один признак); 3) независимое наследование признаков (особенности генерации формальных признаков независимы от способов генерации значений). В качестве примера на третий генетический закон в языке можно указать на так называемые семасиологические преобразования, т.е. на случаи, в которых независимо от той или иной формы происходят совершенно одинаковые преобразования значений (с. 46—71).

Представляет интерес развиваемая в работе М.М. Маковского идея о "внутренней" и "внешней" семиотике: за внешним существованием слова в языке неизменно стоят "скрытые" генетические процессы. Внутренняя генетическая семиотика, т.е. определенная генетически маркированная комбинаторная схема, экстраполируется на уровень внешней генетической семиотики посредством добавления или утраты генетических экспонентов (преформантов, инфиксов, детерминативов), реализуемых в определенных дистантных отношениях, в определенных сочетаниях и в определенном порядке в пределах лингвистического пространства и времени. При этом внутренняя генетическая схема на внешнем уровне может иметь соответствия, не совпадающие с генетической схемой, или на том или ином

участке вообще не отражаться на внешнем уровне.

Ссылаясь на новейшие специальные исследования, М.М. Маковский указывает, что наиболее древними артикулируемыми единицами человеческого языка были сочетания ("идеоморфы") полугласных (ларингалных) с гласными (undivided vocsopants), т.е. корень был двусоставным. Поскольку гласные не выступают в качестве подвижных элементов корня, можно полагать, что именно указанный комплекс полугласного и гласного первоначально выступал в качестве ядра и.-с. корня, а вокруг него группировались различные консонантные экспоненты. Любопытно, что сочетание полугласного и гласного в индоевропейском первоначально выступало только в значении "резать, гнуть", которое в дальнейшем легло в основу самых различных семантических парадигм. Как показано в работе, в языке филогенез корелирует с онтогенезом [12].

В результате присоединения экспонентов (формативов) к корню в пределах слова возникает несколько сосуществующих корней, каждый из которых, однако, сохраняет (наследует) значение исходного корня. С другой стороны, новые значения не изменяют форму слова — она наследуется; ср. и.-с. *eg- "гнуть" > *leg- (*lei- + *eg-), *eg- > *seg- (*sei- + *eg-), *eg- > *bherg- : *dherg-, *merg- : *perg- : *serg- : *terg- : *rei-, *bhau-, *mei-, *pei-, *sei-, (s)teu- + *eg- > *leg- > *pleg- (*eg- + *lei-; *eg- + *pel- + *pei-) "гнуть". Впоследствии каждый из корней, возникший в пределах единого слова, как бы в утробе матери, находясь в однородной среде, нередко оказывается в различных измерениях языкового пространства, а отдельные корни занимают иерархически неравноценное положение внутри слова, в связи с чем сначала возникает многозначность слова или различные преобразования его формы (переразложение, опрощение, редупликация, эллипсис), а затем отторжение корней и включение их в различные генетические континуумы.

По мере генетического разветвления по одной линии можно наблюдать различное количество и качество "потомков", причем это количество и качество в течение нескольких "поколений" остается стабильным, а в других поколениях может последовательно то увеличиваться, то уменьшаться. Большую роль здесь играют процессы конвергенции и дивергенции, а также перекодирования и изоляции.

Особо исследуются в работе М.М. Маковского процессы мутации. Речь идет об интерференции разного рода фенотипа-

ческих факторов, ведущих к преобразованию исходного генетического архетипа. В этой связи следует указать на интерференцию разного рода элементов сакрального культа. Так, слово воспринималось язычниками как сакральный Логос, в котором большую роль играло количество определенных фonomорфологических элементов и их расположение по отношению друг к другу, что не могло не сказаться на структуре и-е. слова. Спонтанное нарушение изначальных генетических признаков (мутация) проявляется также при перераспределении и опрощении, а в случае значений — при воздействии мифологической символики на язык. Не подлежит сомнению квантовая природа мутации: она возникает в прямой зависимости от нарушения динамического равновесия языковой энергии как внутри языкового комплекса, так и между отдельными лексико-семантическими комплексами. В результате происходит генетическое "смешение" как на фonomорфологическом уровне, так и на семантической плоскости (ср. с. 153—169).

В ходе генетического развития кратные соотношения синонимов и несинонимов в той или иной языковой "популяции" могут изменяться в строго определенных количественных и качественных пропорциях, каждый раз неодинаковых. Прежние синонимы (или некоторые из них) в процессе генетических преобразований могут перестать быть таковыми, а в языке могут появиться новые синонимы. Возможно возникновение псевдосинонимов и псевдоомонимов, т.е. сочетающихся с различными (геср. одинаковыми) формативами вариантов одного и того же корня: в случае максимума вариации формы при минимуме вариации значения перед нами псевдосинонимы, при обратном соотношении — псевдоомонимы. Ср. соответственно и-е. **ker*- "Schall", **ker*- "brennen", **ker*- "Farbe", **ker*- "Kopf, Hohn", **ker*- "wachsen", **ker*- "versehren", а с другой стороны, — и-е. **kel*-, **pel*-, **mel*-, **del*- — все в значении "резать, бить". В первом случае перед нами корень **er*-, а во втором корень **el*- с преформантами. Так, понятие "верить" в и-е. языках выражается различными генетическими вариантами корня **er*-/ **el*-, **es*-/ **ek*-. ср. лат. *c-re-dere* (**er*-); русск. *верить* (**er*-*cer*-), др.-в.-нем. *gi-lou-ban* (-*el*-); греч. *πίστεω* (-*es*-); литов. *tikėti* (-*ek*-). Интересно, что все указанные слова со значением "верить" соотносятся со словами, имеющими значение "рогатый скот" (как небожитель, объект поклонения): ср. др.-в.-нем. *gi-lou-ban* "верить", но лтш. *lūps* "скот", алб. *lorë* "корова"; лат. *credere* "верить", но др.-англ. *hriðer* "скот", лат. *fides* "вера", однако литов. *bandà* "скот", ср. нем. *binden*, 156

Band; русск. *верить*, но лат. *verres* "Eber", ср. *vervex* "Hammel" (ср. **er*- "Bock", "Schaf", "Kuh"); лтш. *ticėti*, литов. *tikėti* "верить", но др.-англ. *ticcen* "Zicklein", норв. *ticka* "Schaf".

Любое слово — это генетическая формула, несущая информацию о его типологическом, качественном, количественном статусе, о его жизнеспособности в той или иной среде, возможном направлении развития и др. Информация эта по необходимости носит стохастический характер и различна у каждого слова в синхронии и в диахронии. Направленность в будущее — это смысл и движущая сила существования слов и связанных с ним значений. В каждой лексической единице прошлое как бы глядится в будущее.

Рецензируемая книга М.М. Маковского является несомненным творческим успехом автора. Перед нами одно из первых (см. [13]) монографических исследований скрытых языковых процессов, своеобразных явлений "черного ящика" — генетических механизмов, управляющих жизнью и смертью языковых элементов. Нет сомнения в том, что эта книга будет с удовлетворением встречена не только специалистами, но и неспециалистами, интересующимися особенностями взаимодействия внутренних механизмов языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелдзе Т.В. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // ВЯ. 1988. № 3.
2. Гельфанд М.С. Коды генетического языка и естественный язык // ВЯ. 1990. № 6.
3. Лазарюк И.Э., Милованова Л.С. Новейшие исследования языковой функции мозга // ВЯ. 1992. № 2.
4. Бичакджян Б.Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // ВЯ. 1992. № 2.
5. Jakobson R. Linguistics // Main trends of research in the social and human sciences. I. Paris: The Hague, 1970.
6. Smith N.F. Semantic and syntactic patterns in the genetic language // Biomolecular data / Ed. by Schwartz D.G., MacDonell M.L., Clevel R.R. Oxford: New York, 1989.
7. Typology and genetics of language / Ed. by Thrane I. et al. Copenhagen, 1980.
8. Маковский М.М. Теория лексической аттракции. М., 1971.
9. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. М., 1980.
10. Маковский М.М. Лингвистическая комбинастика. М., 1988.
11. Маковский М.М. Понятие лингвистического времени // ИЯШ. 1976. № 6.
12. Gould S.J. Ontogeny and phylogeny. Cambridge (Mass.), 1977.
13. Bichakjian B.N. Evolution in language. Ann Arbor, 1989.

Караулов Ю.Н.